

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@gmail.com
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО «Контент-пресс»:
127018, Москва, ул. Складочная, д.1., стр. 18
Телефон (495) 648-8850

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.06.2013

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с непубликуемыми авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 7 (1630) июль 2013 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

«СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

«Советская цивилизация»: Нынешние оценки
и симптомы реставрации 3

В. Сендеров. Идеологическая цивилизация ... 4

Р. Гальцева. О симптомах реставрации
и симптомах новой цивилизации 7

М. Краснов. Родовые черты советского
типа власти 12

Г. Эдельштейн. Предварительные замечания
к вопросу об уяснении термина «советская
цивилизация» 16

И. Роднянская. «Каноническая версия
истории» и её проекция в будущее 18

В. Губайловский.
Картинка низкого разрешения 23

В. Кантор. Актуальность и жизненность
советской цивилизации — не как понятия
и термина, а как образа жизни 26

С. Иванов. Почему «попали в Россию»? 30

Б. Бедросьян. Реплика о цензуре 34

Б. Херсонский. На руинах эпохи 34

Колбаса «Ностальгия» 36

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Сергей Кармаев. Стоило оно того? 37

Виктор Елисеев. «Небелые пятна» истории .. 42

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Виктор Грановский.

Право-левые перекрестья 46

«Советская цивилизация»: нынешние оценки и симптомы реставрации

Конференцию с таким названием провели редакция журнала «Посев» и ИНИОН РАН 14 мая 2013 г. в Москве в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Участникам мероприятия было предложено обсудить следующие темы:

Кем в наше время выдвинуто понятие «советская цивилизация», и насколько оно адекватно?

Какие опорные пункты этого государственно-общественного образования — в сравнении с теми, что в свое время выделяли современники, — находят поборники указанного понятия?

Переломный 1993 год как конец существования «под советами» и начало разочарования в новом бытии.

Ностальгическое обращение населения к советизму: источники разочарования в настоящем и привлекательности прошлого.

Провал идеологии «младореформаторов» в интеллигентской среде и её последующая идейная дезориентация.

Возрождение сталинистских методов идеологической пропаганды в официозном и медийном пространстве. «Изборский клуб» как попытка подвести под эту идеологию обновлённый фундамент.

Позиция Русской православной церкви в этих процессах.

Кроме того, приглашённым был разослан следующий текст:

«Советская цивилизация»

Термин «советская цивилизация» общеупотребителен. Набор понятий и реалий, охватываемых этим термином, кажется очевидным (при различных, разумеется, моральных оценках этих реалий в нашем обществе). Однако это — кажущаяся ясность, мнимая очевидность.

Первым советским лидером, заговорившим о «советской цивилизации», был Юрий Андропов. Уже после него (разумеется) это понятие осмысливали Александр Панарин и другие идеологи. Мы имеем дело, таким образом, с очень поздним осмыслением феномена. И это неудивительно. Появление подразумеваемых «советской цивилизацией» специфических менталитета, культуры, способа властвования и мышления — тоже достаточно поздний феномен.

Если бы кто-нибудь заговорил о «советской цивилизации» в двадцатые годы, его, наверное, поставили бы к стенке. Ибо само понятие «такой-то цивилизации» частично; оно — вольно или невольно — отсылает нас к одной из общеизвестных с XX века цивилизационных теорий. Теории же эти не только «буржуазны», не только противоречат мыслящему социально-экономическими формациями марксизму. Эти теории прежде всего антиутопичны. Любая из них предполагает множественность цивилизаций — и вместе с тем невозможность упорядочить их, применить критерий «лучше — хуже». Не случайно цивилизационные теории подвергались разгромной критике в речах Гитлера. В России же в 1922 г. вышла небольшая книга статей Н. А. Бердяева, Я. М. Букшпана, Ф. А. Степуна и С. Л. Франка «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Критический, но уважительный и серьёзный анализ событийного трактата Ленин окрестил «литературным прикрытием белогвардейской организации». Об-

суждение интеллигенцией цивилизационного подхода стало последней каплей в чаше терпения вождя и — одним из явлений, спровоцировавших «философский пароход».

И всё же Юрий Андропов прав. К середине 1930-х годов Сталин действительно перешёл к созданию специфической системы, которая, с оттенком терминологической условности, может быть определена как особая, отдельная «советская цивилизация». Почему это произошло?

«— За что вы расстреляли его?

— За неправильный взгляд на подводные лодки. Строительство больших подлодок означало дальнейшее развитие Мировой Революции. А малые суда — береговая охрана — означали, что Мировая Революция откладывается и страна переходит к круговой обороне. За это выступил Первый — и Партия...»

Отстав от жизни на двадцать лет, он твердил до последнего дня о крупных подлодках и Мировой Революции. Ему оказалось не под силу понять, что время сейчас работает на реакцию, что Движение в Европе пошло на убыль и надо ждать следующей волны...»

Этот небольшой эпизод из книги одного из наиболее глубоких знатоков сталинизма, Артура Кёстлера, даёт ключ к пониманию проблемы. Именно так и возникла «советская цивилизация» — имитация мирной, «протяжённой» жизни, в разнообразных её видах и формах, но с постоянной готовностью броситься на окружающий мир. Эта двойственность повлекла за собой существенное усложнение послеленинской системы. Марксистская догматика бледнеет, окончательно приобретает заклинательный характер, однако не снимается с повестки дня. Вместе с тем абстракция Мировой Революции смыкается с державными пре-

тензиями, и последние всё растут, подкрепляемые извращённо толкуемым, идеологизированным опытом досоветского прошлого.

Что всё это было? Чем была в действительности «советская цивилизация»? Советская культура, пропаганда, государственность, способ мышления, жизненный стиль? Почему несокрушимая, как представлялось, сила рухнула в одночасье? В чём уроки недавнего прошлого? Какова вероятность его реставрации?

Эти и многие другие вопросы мы намерены обсудить на нашей конференции.

Участники конференции

Ведущий — Ю.С. Цурганов, главный редактор журнала «Посев».

Выступили:

Валерий Анатольевич Сендеров — публицист.

Рената Александровна Гальцева — философ и публицист, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, редактор издания «Эон. Альманах старой и новой культуры»; автор книг и статей по русской философии и истории идей.

Михаил Александрович Краснов — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, доктор юридических наук.

Священник Георгий (Юрий Михайлович) Эдельштейн — лингвист, кандидат филологических наук. В 1979 г. рукоположён во иерея. Настоятель Воскресенского храма с. Карабаново Костромской епархии Русской православной церкви.

Ирина Бенционовна Роднянская — литературный критик, филолог, исследователь русской религиозной философии; член редсовета журнала «Новый мир», редактор словаря «Русские писатели. 1800–1917».

Владимир Алексеевич Губайловский — писатель, поэт, эссеист. Родился в 1960 г. Выпускник мехмата МГУ. Редактор отдела критики и публицистики журнала «Новый мир». Живёт в Москве.

Владимир Карлович Кантор — писатель, философ, доктор философских наук, ординарный профессор НИУ — ВШЭ, автор ряда монографий и романов.

Святослав Павлович Иванов — публицист, редактор альманаха «За Россию!» (Воронеж).

Борис Данилович Бедров — член редколлегии журнала «Посев».

Борис Григорьевич Херсонский — поэт, эссеист, переводчик. Лауреат нескольких международных премий, в том числе премии им. И. Бродского. Основная профессия — клинический психолог, заведует кафедрой в Одесском национальном университете. Живёт в Одессе.

В. Сендеров

Идеологическая цивилизация

*Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдери с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.
В. Маяковский
«Бродвей»*

*Кстати, Вепрь, имейте в виду и расскажите своим друзьям.
Вы живёте не на внутренней поверхности шара.
Вы живёте на внешней поверхности шара.
И таких шаров ещё множество в мире,
на некоторых живут гораздо хуже вас,
а на некоторых — гораздо лучше вас.
Но нигде не живут глупее...*

А. Стругацкий, Б. Стругацкий
«Обитаемый остров»

Под «советской цивилизацией» часто, не мудрствуя лукаво, понимают просто картинки менталитета и образа жизни недавнего прошлого. При этом изображение подвергается ретуши. Затуманены или отрицаются связанные с репрессиями моменты — отталкивающие, при всех условиях, многих потребите-

лей нового советского товара. Не выпячивается и более невинный момент: роль во вчерашнем обществе коммунистической и марксистской пропаганды. Что тоже правильно: идеологический и цивилизационный подходы во многом различны. К этому более тонкому моменту нам вскоре предстоит вернуться.

к «бытовизму» однозначно осуждалась. Нет, не надо «описания быта, повседневности, жизни» (то, что не надо описания «жизни», — совершенно замечательная оговорка), потому что такого рода описания дают слишком подробную картинку, а литература от крупного плана сразу переходит к общему (она просто по своему устройству — инструмент обобщения и описания целого), а вот этого как раз и нельзя допускать. И цензоры мучили писателей, а писатели никак не могли взять в толк: почему? Ну что здесь такого написано? Им отвечали: «Это у вас бытовизм, это никому не интересно».

Советская цензура одержала серьёзную победу: нарисованная ею картинка оказалась правдоподобной и убедительной. Но в результате возникла острая информационная недостаточность, которая довольно быстро (к концу 1970-х — началу 1980-х) привела к кризису языка описания. Чтобы управлять

сложной, разветвлённой системой, необходимо знать реальную картину, а реальная картина на всех уровнях доступа — от публичной печати до секретных материалов — дробилась, и из фрагментов целое не складывалось. В идеальном случае целостная картина должна была возникать на самом верхнем уровне — в правительстве, в ЦК КПСС. Но и этого не происходило, в частности, потому, что в любой иерархической системе обратная связь (снизу вверх — отчёт о выполнении приказа) затруднена: никто не хочет докладывать о своих поражениях и потерях, а для реального управления точное представление о поражениях критически важно. Другого же исчерпывающего источника, кроме служебных рапортов, не было, в том числе и у высшего руководства страны. И даже на самом верху верили в ту вымышленную картинку низкого разрешения, которую готовила цензура, строго следуя своему главному принципу.

В. Кантор

Актуальность и жизненность советской цивилизации — не как понятия и термина, а как образа жизни

Я позволю себе начать с парадокса: советская цивилизация родилась не в 1917 г., а гораздо раньше. И дело даже не в словах Бердяева, назвавшего режим Ивана Грозного протототалитарным. (А недавно Сигурд Шмидт подробно рассказал, как Грозный переписывал нужные ему летописи — примерно как Сталин, создавая «Краткий курс ВКП (б)», убирал из истории тех, кто хотел внести некую толерантность в русскую жизнь.) С того момента, когда письменная история стала делом государственным, в сознании образованного (в разные эпохи образованного по-разному) слоя людей утверждалось, что либералы (те, кто стремятся к европейским нормам для России) являются сущностными врагами складывающейся цивилизации. А складывалась она тогда.

Каковы её главные принципы? Первое, что назову, — это обрядовость, не только церковная, но и бытовая. Жившие в деревне и городских пригородах поймут, о чём я говорю. Даже из отрицательного примера эта обрядовость очевидна: «Все пьют, а ты что не пьёшь? Не уважаешь?» Второе — это сила коллектива, служившая не защите личности, а её подавлению (Какой личности? Ну хоть той, которая тогда нарождалась.) Когда случилась революция, а за ней Гражданская война, Бунин писал о полном исчезновении мифа соборности: человек стал беззащитен. Но что есть цивилизация? Не путаю ли я её с культурой? Для меня цивилизация — это высший этап культуры, который приводит её особенности к неким не просто закреплённым в сознании, но поддерживаемым обществом нормам поведения. Так вот нормы поведения сложились именно тогда и были силой. Самое любопытное в этих нормах — равнодушное отношению к взятию

чужого, к воровству. Баре грабят, неужели простому мужику нельзя?! При Борисе сочинялись специальные указы о разбойниках, а против атамана Хлопка, обложившего Москву огромной шайкой, он был вынужден выслать армию. Хлопка победили. Интересно, как бы повела себя в такой ситуации нынешняя армия во главе с обер-вором Сердюковым? Как там у генуэзских или, точнее, британских разбойников — сэр Дюк? И уже как бы и не наш, итальянско-американский мафиози. А ведь нет, сердюковы всё же наши. Неужели кто-нибудь скажет, что нынешнее воровство недавнего происхождения и рождено западным влиянием?!

Именно эти нормы поведения — это воровство, повальное, на всех уровнях — встали вперекор Петровским реформам. Легче украсть, чем самому построить нечто. Пётр заставлял работать, за воровство бил палкой, а то и казнил; пытался приспособить свои идеи к этим воровским и нехристианским, в общем-то, нормам, как христианство приспособилось к языческим праздникам. Бороды-то он стриг, но ненависти к чужебсию победить в массе народа не смог, хотя и слал десятками своих подданных за море учиться у Европы. Но, чтобы успокоить подданных, утешал их: мол, возьмём, что нужно, у проклятых европейцев, а потом повернёмся к ним задом. Наверное, это нравилось москвитам. Хотя свой город-парадиз Пётр построил по европейским нормам, и враги европеизма распустили слух, будто при постройке он нещадно убивал людей, погубил несколько десятков тысяч. Недавно в «Вопросах философии» мы опубликовали блестящую статью историка Екатерины Андреевой «Петербург — “город на костях”?» (Андреева Е. Петербург — «город на костях»? (О мифологизировании

истории) // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 29–40.) Её вариант был и в «Посеве» (Андреева Е. Петербург — «парадиз» или «ГУЛаг» Петра Великого? // Посев. 2012. № 08 (1619). С. 28–34). Так вот, она прекрасно показала, что человеческая убыль не превышала убыль других лет. Европейцы (и это надо понимать!), не желавшие нового соперника в Европе, подхватили и тиражировали эту ложь. Вообще, это очень интересная тема: как сходятся западные враги европейского возвышения России и (воспользуюсь выражением Герцена) «патриотические шакалы», которые воют от ярости, что необходимо жить по закону, а не по понятиям. Причём самым скверным и для тех и для других почему-то оказываются русские либералы. Будто не было Грановского, Бориса Чичерина, Василия Ключевского, Антона Чехова, Владимира Соловьёва, Питирима Сорокина и прочих, которых ненавидели и уничтожали большевики, видевшие в русской профессуре и русской интеллигенции агентов западного влияния. Заметим, что либералы всегда толерантны в полемике. Их интересовала истина, а толпа истину во все века ненавидела. Но в России уж очень остро.

Теперь же любая нечисть называется либерализмом, лишь бы опорочить идею европейской свободы. Разумеется, ненависть к либералам рифмуется с антисемитизмом. Евреи начиная со Средних веков, не имея возможности другого подъёма по социальной лестнице, могли восприниматься лишь как торгаши и ростовщики (вспомним Шейлока Шекспира), а со времен нацизма ещё и как агенты влияния западного капитала, разрушавшие национальную культуру, силу крови и почвы. Под влиянием Гитлера Сталин хотел тоже решить окончательно еврейский вопрос («космополитизм»). В превращённом виде эта идея гуляет и в современной России (ведь миллионы наших воров как бы не в счёт, словно их капиталы честно нажиты). И есть даже формула «либеральные евреи». Бога придумали, но зачем-то его сына распяли. При этом, как справедливо написал Жак Маритен, евреев ненавидят не за то, что они Христа распяли, а за то, что именно они создали христианство, требующее жить по заповедям, т.е. по закону. Интересно, как польский специалист по русской почвенной литературе Александр Вавжинчак неделю назад в Фейсбуке отозвался на смерть Березовского: «У Березовского обнаружили перелом ребра. Видимо, Господь сжалился над ним — хотел идеальную спутницу жизни создать для него, да еврейшка боли не выдержал...» Слово «еврейшка» содержало в себе столько гадкого презрения, что я не выдержал...

Я не выдержал и ответил:

«— Саша, фи, вот уж не ожидал от Вас антисемитизма! Да еще такого — в духе сталинских палачей. Как они говорили про Бабеля: “Жидок боли не выдержал, жидок оказался, орать начал, как иголки ему под ногти стали загонять”. А впрочем, может, я Вас неправильно понимал?

— Владимир Карлович, а при чем тут антисемитизм? Вот просто разводят теперь всяческие версии по поводу смерти Березовского и разыгрывают их на по-

литической шахматной доске. Вот отсюда язвительный мой комментарий... А с другой стороны, не стоит, как мне кажется, сравнивать великого писателя с пусть даже выдающимся и богатым (до недавнего времени), но все-таки вором, убийцей и шантажистом».

Всей переписки приводить не буду, но свою последнюю фразу приведу:

«— Саша, я уезжал, мне некогда было ответить. Но вообразите, что о польском воре, убийце, шантажисте (ведь и такие бывают, не так ли) было написано милым мальчиком, что у него (далее Вас цитирую) “обнаружили перелом ребра. Видимо, Господь сжалился над ним — хотел идеальную спутницу жизни создать для него, да ПОЛЯЧИШКА боли не выдержал...” Просто я заменил уничижительное наименование одной национальности на другую, Вам более близкую. Не скажете ли Вы, что это полонофобия? Скажете. И будете правы. Именно поэтому я и называю Вас антисемитом».

То есть целому народу отказывают в праве на существование, потому что почвенник себе это может позволить, а либерал — никогда! Поэтому в глазах толпы он слабак! А ведь русские либеральные мыслители были истинные христиане, это их и погубило в народном сознании, которое мечтало судорожно построить свою цивилизацию а-ля Грозный. Можно говорить о начале либерализма с эпохи Екатерины Великой, сознательной русской европейке на русском троне, строго говоря, — правителе-философе (увы, Платон мечтал не о таких, а о персонажах вроде Ленина). Но рефлексивно-интеллектуальная история российского христианского либерализма начинается с творчества величайшего русского философа Владимира Сергеевича Соловьёва, автора гениальных религиозно-философских трактатов и бессменного автора либерального «Вестника Европы». Напомним, очевидно, достаточно известное высказывание Соловьёва, но от него стоит оттолкнуться, чтобы подойти к реальной проблематике XX века, как она встала перед русскими мыслителями. Соловьёв писал: «Поскольку христианство не упразднило закона, оно не могло упразднить и государство. Но из этого разумного и необходимого факта — неупразднения государства как внешней силы — вовсе не следует, чтобы внутреннее отношение людей к этой силе, а чрез это и самый характер её деятельности — в общем и в частности — остался безо всякой перемены. Химическое вещество не упразднено в телах растительных и животных, но получило в них новые особенности, и не напрасно существует целая наука органической химии. Подобное же есть основание и для *христианской политики*. Христианское государство, если только оно не остается пустым именем, должно иметь определенные отличия от государства языческого, хотя оба они, как *государства*, имеют одинаковую основу и общую задачу» (Соловьёв В. С. Оправдание добра // Соловьёв В. С. Собр. соч.: В 10-ти т. [1911–1913] Т. 8. СПб.: Просвещение. С. 486.) Государство Соловьёв понимал как средство, предохраняющее землю от превращения ее в ад, как

защиту человека, т.е. как правовое либерально-христианское сообщество людей.

Мне уже приходилось писать, что история жестоко показала: вне и помимо личности никакое общество не может отстоять свои права и независимость. Невероятным по силе фактором утверждения личности в европейской истории стало христианство, которое было гонимо при всех тоталитарных режимах. Следом за Соловьёвым, бывшим «детоводителем ко Христу» русской мысли, выросла целая плеяда русских религиозных мыслителей, отстаивавших либеральные ценности: это и Бердяев, и Бугаков, и братья Трубецкие, и Франк, и Струве, и Степун. Что ни имя, то гордость русской мысли и культуры. Хочется привести очень важную мысль Федотова, видевшего в русских европейцах-либералах строителей великой страны: «Мы знаем и другой тип русского европейца — того, который не потерял связи с родиной, а иногда и веры отцов. Именно эти люди строили Империю, воевали и законодательствовали, насаждали просвещение. Это подлинны́е “птенцы гнезда Петрова”, хотя справедливость требует признать, что родились они на свет ещё до Петра. Их генеалогия начинается с боярина Матвеева, Ордина-Нащокина — быть может, даже с Курбского... В управлении и суде, во всех либеральных профессиях, в земстве и, конечно, прежде всего в Университете европейцы выносили главным образом всю тяжесть мучительной в России культурной работы. Почти все они уходили от политики, чтобы сохранить свои силы для единственно возможного дела. Отсюда их непопулярность в стране, живущей в течение поколений испарениями гражданской войны. Но в каждом городе, в каждом уезде остались следы этих культурных подвижников — где школа или научное общество, где культурное хозяйство или просто память о бескорыстном враче, о гуманном судье, о благородном человеке. Это они не давали России застыть и замёрзнуть, когда сверху старались превратить её в холодильник, а снизу в костер. Если москвич держал на своём хребте Россию, то *русский европеец её строил*» (курсив мой. — В.К.). (Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2-х т. Т. 2. СПб., 1992. С. 179.)

Но были ли они влиятельны? Достаточно вспомнить восторженное отношение студентов к этим мыслителям, чтобы не задавать этого вопроса. Но почему интеллигенция не сумела транслировать свои идеи в народ? Мы часто упоминаем Джона Локка как родоначальника европейского христианского либерализма. Идеям Локка, о чём я и сам писал не раз, следовал К.Д. Кавелин, знаменитый русский либерал и правовед. Чтобы правильно расставить акценты в утверждении в Англии либерально-христианских идей Локка, стоит напомнить, что Англия пережила народную христианскую революцию (пуритане), казнила короля, дождалась славной революции и установления конституционной монархии. Вот тогда идеи бывшего эмигранта Локка оказались востребованы. Почему не оказались столь же влиятельными идеи русских

либералов? Конечно, из-за разных условий бытования этих идей.

Посмотрим с этой точки зрения на Россию. Народная христианская революция (старообрядчество) была абортирована. Кстати, крупнейшие деятели русской политики и культуры Серебряного века происходили из старообрядцев. Но их было слишком мало, народ их не принимал. К христианству большинство русского народа относилось вполне скептически. Можно сегодня смеяться (так почему-то принято) над формулой Белинского, что народ наш суеверен, но не религиозен. Однако вот свидетельство двоеверия, а то и суеверия русского простонародья, о котором уже в XX веке писал священник и философ Павел Флоренский. Он отмечал, что для мужика колдун и церковь — просто два разных департамента, и к тому и к другому он относится бытово, то есть суеверно. И возникает вопрос: столько хороших, замечательных людей, а почему же, собственно, христианский либерализм в России не победил? На такой, в общем-то, простой вопрос я прямого ответа не дам. Не смогу. Часто говорят, что виновата православная церковь. Справедливо, наверное. Но беда в том, что народ относился к церкви и в самом деле как к департаменту, в который он обязан время от времени являться. Церковь была не только сервильна; она не желала идти к народу. Пётр Великий был вынужден насильно встроить её хотя бы в государственные тяготы. Сам он был человек глубоко верующий и около двадцати лет всё не решался превратить церковь в один из государственных департаментов. В Европе (я не говорю уж о пуританах, о лютеранской революции, вываривших в христианском котле войны за веру народные массы) христианство исходно было религией низов. В России — княжеским делом (начиная с Владимира Крестителя). И других вариантов, строго говоря, не существовало.

В этом смысле формулировка указанной проблемы Евгением Трубецким представляется мне едва ли не классической: «То анархическое движение, которое на наших глазах разрастается, не может быть остановлено никакой внешней, материальной силой. Вещественное оружие бессильно, когда падает в прах весь государственный механизм. Только сила нравственная, духовная может положить предел всеобщему разложению, резне, грабежу, анархии общественной и правительственной. Христианство — та единая и единственная нравственная сила, перед которою у нас склоняются народные массы; иной у нас нет. И если русская демократия не определится как демократия христианская, то Россия погибнет бесповоротно и окончательно». (Трубецкой Е.Н. Два зверя // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 301–302.) Было одно но. Народное неприятие как либерализма, так и христианства. У меня в жизни случился довольно замечательный — бытовой, но очень важный — эпизод. Мы с моим близким другом ездили обмерять разрушенные русские церкви. Ездили по Поветлужью — это немалый район. И что меня там поразило: церкви ломали без приказа сверху, ломал сам народ. Это говорит о чём? Отвечу: об абсолютной неукоренённости в со-

знании народа идей христианства. Выдвигаю жёсткий (или жестокий) тезис: либеральная христианская интеллигенция не была принята потому, что народ был не религиозным, не христианским. Может быть, это и жёстко, но, я думаю, справедливо.

Я хочу сказать, что эта бесконечная борьба, вернее, даже не борьба, а ненависть к либерализму, идёт на уровне бытовом, простом — неуважении соседа, неуважении к тебе просто в метро. Приведу пример живой, сегодняшней. Я сижу, по мне видно, что я очень плохо себя чувствую, что я человек больной; сидит рядом со мной амбал; потом встаёт, отшвыривая меня в сторону, и идёт дальше. У меня было сильное желание встать, догнать и дать ему в ухо. Но я понимал, что у меня сил не хватает. Он не хотел лично мне сделать плохо — это просто норма его поведения, потому что ты не существуешь. Вот это умение видеть Другого — умение, которого мечтали добиться в России в течение столетий (двух по крайней мере, с Петра) — в России так и не утвердилось.

Можно говорить о социальной беспомощности православной церкви, с которой столкнулись русские мыслители. Отсюда их интерес к католицизму, от Петра Чаадаева и Владимира Печерина до Вл. Соловьёва и Фёдора Достоевского. Достоевский, как мы знаем, в своём великом романе актуализировал идею старчества, которое влачило существование кое-как, и переосмыслил его. По словам тонкого наблюдателя российской религиозной жизни В. В. Розанова, «старчество», начавшее появляться в первые годы XIX века, сперва в монастырях Ладожского и Онежского озёр, встретило самое раздражённое сопротивление, как со стороны местной административной монастырской власти, так и со стороны епархиального начальства». (Розанов В. В. Оптина пустынь // Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. С. 270.) Старец Зосима отправляет своего любимого ученика, послушника Алёшу, «в мир». Лев Тихомиров увидел в этом посыле католический жест, требование от православной церкви социальной активности католиков. Была ли возможна в этой ситуации «христианская политика», идею которой выдвинул Соловьёв и которую поддержали философы русского религиозного ренессанса? Сомневаюсь.

А что же русские мыслители? Или их влияние было прежде всего интеллектуальным? А в общественно-политической жизни? Это же авторы «Вех», участники политической жизни, Струве — один из лидеров кадетской партии, по энергичности в русской жизни сравнимый разве что с Лениным, Фёдор Степун — начальник политуправления военного министерства при Временном правительстве. Но они оказались бессильны. Именно потому, что они-то были христиане, а народ не был христианским. Понятно это стало сразу после революции 1917 г.

Одну из точек зрения, ставшую потом весьма влиятельной, выговорил Фёдор Степун: «Большевики победили демократию потому, что в распоряжении демократии была только революционная программа, а у большевиков — миф о революции, потому что за-

бота демократии была вся о предпоследнем, а тревога большевиков — о последнем, о самом главном, о самом большом. Пусть они только наплевали в лицо вечности, они всё-таки с нею *встретились*, не прошли мимо со скептической миной высокообразованных людей. Эта, самими большевиками естественно отрицаемая, связь большевизма с верой и вечностью чувствуется во многих большевицких кощунствах и поношениях». (Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избр. соч. / Вступ. ст., сост. и комм. В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 468.) Иными словами, уже покинув Россию, не видя русского народа, Степун по сути дела высказал убеждение о религиозной стилистике русского народа, которая не переварила безбожия русских демократов и либералов: «Всё самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики». (Там же. С. 314.) Так ли было на самом деле? На мой взгляд, это принципиальная историософская ошибка.

Вспомним удивление и ужас русских христианских мыслителей, увидевших в революции далёкость народа от христианства. В 1918 г. С. Н. Булгаков резюмировал устами одного из персонажей своего знаменитого сочинения «На пиру богов»: «Как ни мало было оснований верить грёзам о народе-богоносце, всё же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось то, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским...» (Булгаков С. Н. На пиру богов // Булгаков С. Н. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 609.) И в этой ситуации уже можно говорить о явлении антихриста, рождённого народной стихией, выступавшего от лица народа и его именем уничтожавшего русских интеллектуалов как «врагов народа». Замечательно показал Шварц: Тень погибает только после гибели Героя-ученого. Уничтожив российских интеллектуалов, народ подписал себе смертный приговор. Об этом сразу после революции написал Розанов: «“Мужик-социалист” или “солдат-социалист”, конечно, не есть более ни “мужик”, ни “солдат” настоящий. Все как будто “обратились в татар”, “раскрестились”. Самое ужасное, что я скажу и что очевидно, — это исчезновение самого русского народа». (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 313.)

Народ реально потерял веру в то, что христианство может стать помощником в социальных делах. Приведу опять наблюдения Евгения Николаевича Трубецкого. Он в Добровольческой армии, он пишет: вот вроде бы белое знамя, вроде бы идеи православия, но грабят и убивают наши добровольцы чудовищно, — и дальше замечает: к тому, кто даст открытое разрешение на грабёж, пойдет весь народ. Большевики дали это разрешение на грабёж. Вспомните лозунг Ленина: «грабь награбленное». Это и был возврат к цивилизации Грозного и окончательное становление советской цивилизации, где жизнь человека ничего не стоила. Как

говорил Достоевский, кто разрешит кровь, тот и выигрывает. Большевики разрешили кровь и выиграли. Думаю, в сознании пореволюционного Степуна произошла своеобразная абберрация. Он вернулся к мифу о религиозном народе и либералах, занятых материальными интересами. Как сегодня видится, дело обстояло прямо наоборот. Либеральная христианская интеллигенция проиграла потому, что была слишком либеральной и слишком христианской. Народ её не принял.

Гальцева. Я бы хотела заметить по поводу гласности и свободы — слов, которые совершенно поменялись местами в речи Владимира Кантора. Гласность, повторюсь, — это политика максимальной открытости, прозрачности решений и действий правительственных и вообще административных учреждений; это — доведение до сведения населения мотивов своей политики. А свобода слова — это то, что дано человеку как возможность высказывать своё мнение, за которое его можно преследовать, а можно и не преследовать. И мы можем пользоваться свободой слова, хотя и небеспоследственно (как я уже отметила), а пользоваться гласностью... не от нас зависит.

Сендеров. По-моему, терминологически всё-таки прав скорее Владимир Карлович, а именно: гласность в России рассматривается лишь как разрешённость, и всё. Над ней издеваются. Пожалуйста:

Повсюду торжествует гласность,
Вступила мысль в свои права,
И нам от ближнего опасность
Не угрожает за слова:
Профессор — степень, или званье,
Коллежский регистратор — чин,
Кнуты и розги — наказание,
Одиножды один — один...

*Стихотворение Василия Курочкина (1831–1875)
«Великие истины».*

Гальцева. Валерий, если вы откроете энциклопедические словари, там, я уверена, вы найдёте определение, согласное с моим. Я не про XIX век говорю, а про сегодняшнее понимание гласности и свободы слова. У нас свобода слова отчасти есть, а гласности как прозрачности действий власти — нет.

Сендеров. Может быть, и так.

С. Иванов

Почему «попали в Россию»?

Тема, заявленная на нашей конференции, очень интересная, но, к сожалению, я не успел подготовить доклад, который бы назывался так: «Почему мы целились в коммунизм, а попали в Россию». Мне кажется, что с этим едва ли кто-то будет спорить. Всё-таки мы попали в Россию, целясь в коммунизм. И даже сама идея реставрации как раз исходит из того, что так называемые демократические преобразования нам не удалось. И сегодня ностальгия по Советскому Союзу как никогда сильна. Создано даже интернет-сообщество «Моя родина — Советский Союз». Не знаю почему, но мне приходит рассылка от этого сообщества. Недавно я даже посмеялся: пришли два снимка обычных бинтов для перевязки; автор пишет: «Вот у меня бинт остался со времён Советского Союза, плотный хороший бинт, которым можно перевязывать раны, а вот продукция нынешней промышленности, плохого качества, потому что экономят сырьё». То есть даже на такой ерунде ловят людей, эксплуатируют ностальгию по якобы безоблачному прошлому.

Теперь я приведу противоположный пример. 1983 год, я работаю на БАТМ (большой автономный траулер-морозильщик). Мы промышляем лемонему по квоте в японской экономической зоне. Так близко к островам, что видны города. Время от времени нас проверяет японский сторожевой корабль — рыбинспекция. Это такой белый пароход красивый, который становится у нас на траверзе и поднимает определённый флаг расцветивания, что означает для нас приказ остановиться для проверки. Главное, чтобы они не

нашли на судне какого-нибудь моллюска, который не разрешён к вылову. И вот однажды они подходят к нам, дают сигнал остановиться и пытаются спустить бот с досмотровой группой, чтобы плыть к нам. Но со спуском у них происходит заминка. Возможно, просто ждали кого-то или документы оформляли. Мы всё это наблюдаем. И в какой-то момент наш капитан с весёлой иронией бьёт кулаком по лееру и кричит: «Загнивают! Загнивают!» На палубе смех. Это образчик того, насколько несерьёзно мы все тогда относились к пропагандистскому тезису о неизбежном и неотвратимом кризисе капитализма, о его загнивании. Никто не верил ни в коммунистическую идею, ни в выживание строя, потому что мы первыми были только в области балета да в ракетостроении. На том же нашем рыболовецком флоте вся аппаратура по поиску и разведке рыбы была в то время уже японская. Помню, наши инженеры, вернувшись из командировки в Японию, удивлялись, что у них платы не ремонтируются — их просто выбрасывают. А японцы просто штамповали эти платы, и в случае выхода из строя дешевле их было выбросить, чем ремонтировать. Для нас это стало открытием. Приехав в 1986 г. в Воронеж, я узнал, что на нашем заводе телевизоров работает 20 тысяч человек — потому что в советском телевизоре сотни деталей. Потом в телевизоре осталось четыре детали, и количество рабочих уменьшилось на порядок; остальных выбросили на улицу.

Я к тому, что советская цивилизация проиграла прежде всего экономически. Помните, в 1996 г.